

И. И. Иванов

**Александр Островский. Его
жизнь и литературная
деятельность**

Жизнь замечательных людей

И. И. Иванов

**Александр Островский. Его жизнь
и литературная деятельность**

«Public Domain»

Иванов И. И.

Александр Островский. Его жизнь и литературная деятельность
/ И. И. Иванов — «Public Domain», — (Жизнь замечательных
людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии `Жизнь замечательных людей`, осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют свою ценность и по сей день. Писавшиеся `для простых людей`, для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОСТРОВСКОГО	8
ГЛАВА II. НАЧАЛО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

И. И. Иванов

Александр Островский. Его жизнь и литературная деятельность

*Биографический очерк И. И. Иванова.
С портретом А. Н. Островского, гравированным в Лейпциге
Геданом.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Скудость и неопределенность биографических сведений – обычное явление в русской литературе относительно как мелких, так и крупных писателей. Русские читатели нередко бывают свидетелями самых невероятных приключений, постигающих отечественную печать. Особенно должны быть памяты случаи, связанные с недавней пятидесятилетней годовщиной смерти Лермонтова. Во множестве “юбилейных” воспоминаний и биографических очерков беспрестанно встречались недоразумения и ошибки, казалось бы, совершенно невозможные в работах о поэте, жившем столь недавно. Родственник и товарищ Лермонтова, предпринимая исправление чужих ошибок, обнаружил поразительное неведение самых существенных биографических данных – не знал ни места, ни времени рождения поэта. Другой биограф сумел запутать исторически подлинный рассказ об обстоятельствах смерти Лермонтова. К сожалению, полвека, протекавшие со времени кончины гениального поэта, не устранили окончательно отечественной варварской литературы. И подобные факты, в представлениях русского читателя, могут сопутствовать едва ли не каждому деятелю русской словесности.

У нас почти не прививается обычай, столь распространенный на Западе. Там в распоряжении литературных и общественных историков имеется неисчерпаемый запас всевозможных воспоминаний, записок, сообщений, касающихся всех более или менее значительных явлений прошлого. Почитатели и близкие люди даже второстепенных талантов непременно стремятся поведать публике историю своего знакомства с замечательным человеком, передать современникам и потомству его характеристику, даже мельчайшие подробности его жизни. И сами знаменитости не страдают излишней скромностью. Они весьма охотно разрабатывают свои биографии и в чисто художественных произведениях, и в откровенных беседах о своей жизни. Они, кроме того, весьма часто оставляют после себя своего рода эстетические завещания – с подробным и всесторонним выяснением своих художественных стремлений и писательских задач. И западная публика располагает громадным запасом автобиографий и поэтических исповедей, составляющих наследство гениальных художников и просто талантливых писателей.

Совершенно иначе обстоят дела в русской литературе. Как ее первостепенные представители относились и в большинстве случаев продолжают относиться к опубликованию своих биографий и вообще сведений о себе, показывает пример Тургенева. Неоднократно в течение всей его жизни к нему обращались с запросами насчет биографических данных. Каждый такой запрос не вызывал в нем приятных чувств, и он заявлял: “Откровенно говоря, всякая биографическая публикация мне всегда казалась великой претензией”. И Тургенев решался давать только самые общие, почти исключительно хронологические данные о своей жизни.

Так же поступал и Писемский, – например, в биографическом отрывке, разрывающем до последней степени сухие рамки повествования. От большинства других русских писателей не осталось и таких скудных материалов. Не поусердствовали возместить эту скудость и их совре-

менники, с которыми они находились в близких отношениях. И биографу русского писателя, как бы ни была свежа в памяти живущего поколения его личность и деятельность, приходится на каждом шагу мириться с обширными фактическими пробелами и крайней отрывочностью самих фактов.

Участь Островского в этом отношении едва ли не самая печальная. Со дня его смерти протекло почти тринадцать лет. Он давно признан великим драматическим талантом, наряду с Гоголем и Грибоедовым. Его решено почтить памятником по всероссийской подписке. Многие его произведения стали классическими и столь же необходимыми в воспитании и просвещении русского юношества, как, например, сочинения Пушкина. И все это произошло на глазах того самого поколения, которое знало Островского лично, переживало развитие его таланта, сопутствовало росту его славы. И в результате – у блестящего и современного нам писателя до сих пор нет биографии.

Правда, жизнь Островского извне прошла в высшей степени ровно и спокойно. Она не знала никаких исключительных происшествий и потрясений, не расцвечена яркими драматическими красками, в ней не имеется каких-либо сложных психологических или загадочных романических эпизодов. Жизнь драматурга соответствовала характеру его произведений – в высшей степени уравновешенному, почти эпическому.

Но внешняя одноцветность и размеренность существования далеко не свидетельствуют о бессодержательности и отсутствии внутреннего смысла. Совершенно напротив. Вся энергия богато одаренной природы ушла именно на обогащение и углубление этого смысла. Художник обладал необыкновенным нравственным чувством, воспринимая внешний мир и отзываясь на впечатления художественным творчеством.

Именно у писателя-реалиста эти восприятия должны быть особенно обильны и глубоки. Каждое его произведение навеяно и внушено явлениями действительности. Каждое лицо, им созданное, – плод непосредственных наблюдений, и драматизм положений его героев почерпнут из многообразных житейских драм, психологически изученных и творчески воспроизведенных. Легко представить, какое значение имеет иная даже случайная встреча писателя с историей человеческой жизни, фактом общественного устройства, вообще все многообразие повседневных впечатлений.

Все это относится и к Островскому. Он по самому содержанию своего творчества, основанному на русском быте и типических характерах, должен был на каждом шагу иметь дело с *подлинниками*, то есть с живыми яркими лицами, своей самобытностью одушевлявшими его ум и талант. И мы знаем, какими сокровищами психологии и драмы обязан Островский личным знакомствам и встречам, – но знаем, к сожалению, крайне недостаточно. Более или менее подробные наши сведения касаются только раннего периода деятельности Островского, – и уже по этим сведениям мы можем судить о богатстве *духовной* жизни писателя, о неразрывной связи его творчества с окружающим миром. Эта связь не прекращалась до конца, и именно она сохранила за Островским одно из первых мест в новой русской литературе. Но у нас нет достаточных данных, чтобы проследить ее исторически и всесторонне оценить ее влияние на нравственный мир художника. Мы не знаем фактов, вызвавших те или другие его творческие шаги, и не можем установить меру его проницательности и то, сколь полно он воспользовался уроками действительности. Ясно, недостаток в наших сведениях должен отражаться и на нашей оценке самого таланта драматурга. *Критика* может быть вполне удовлетворительной и определенной только при тщательно разработанной

Время, несомненно, восполнит много пробелов в биографии Островского. Именно последние годы дают нам право питать эту надежду. С 1897 года в печати стали появляться в высшей степени ценные сообщения лиц, близко стоявших к покойному писателю. Воспоминания Т. И. Филиппова и С. В. Максимова пролили свет на начало литературной работы Островского и представили правдивую и жизненную картину обстановки, в которой предстояло

развиваться этой работе, обрисовали ряд личностей, глубоко повлиявших на молодого писателя. В настоящее время нам известно о первых литературных шагах Островского несравненно больше, чем, например, его биографу А. Е. Носу. Мы теперь определенно можем судить о *среде* и *обстоятельствах*, оказавших влияние на формирование самих основ его художественного дарования, и в состоянии дать исторически точный ответ на первый и важнейший вопрос в критике произведений Островского: почему наш драматург *начал необыкновенно*, по выражению Тургенева, то есть в первой же пьесе обнаружил небывалое до него знание московского купеческого и народного быта, идеальное умение владеть своеобразным русским языком и воспроизводить с одинаковым художественным совершенством крупные и мелкие черты русской природы?

Драматург, очевидно, прошел известный путь воспитания, внушительную житейскую школу, – и нам его друзья рассказали, какую именно.

Если бы и вся дальнейшая деятельность Островского стала предметом таких же рассказов, его биограф не имел бы оснований жаловаться на трудности и черновой, пробный характер своей работы. Теперь же ему предстоит восстанавливать цельную историю жизни на основании отрывочных заметок, вроде воспоминаний артистов Бурдина, Горбунова и Нильского, рассказов личного секретаря Островского, Кропачева, – живых и правдивых, но касающихся только последних лет его жизни и, кроме того, совершенно оставляющих в стороне Островского-писателя, наконец, на основании собственных писем драматурга. Довольно многочисленны письма к Бурдину и к г-же Мысовской, но они дают очень мало материала для биографии автора и вообще не отличаются содержательностью и обилием личных признаний, столь всегда красноречиво свидетельствующих о настроениях и писателя, и человека. Важнейшим общим биографическим источником остается, конечно, заметка самого Островского в альбоме Семейского «Мои знакомые», – заметка в высшей степени немногословная, напоминающая краткие послужные списки, какие давали Тургенев и Писемский своим биографам.

Таковыми материалами располагаем мы для биографии Островского. Очевидно, его биография в ее совершенной форме – вопрос будущего. В настоящее время мы в состоянии осветить более или менее ярким светом только некоторые моменты в творческой жизни нашего писателя; насколько возможно при осмотрительном и исчерпывающем пользовании немногочисленными документами, представить более или менее последовательный ход творческой деятельности художника, а также нарисовать по возможности подлинными чертами личность человека.

Мы будем считать нашу задачу выполненной, если от нас не ускользнет ни одно ценное историческое указание и если нам удастся каждому из этих указаний отвести надлежащее место и в результате получить цельное, хотя бы и весьма общее, представление о человеческой и авторской природе одного из знаменитейших русских писателей.

ГЛАВА I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОСТРОВСКОГО

Семейная обстановка в детстве и первой молодости. – Казенная служба

Предки Островского принадлежали к духовному сословию и были костромичи. Писатель не забывал о своем местном происхождении и при случае любил припомнить нравственные черты, отличающие его земляков. Работая над драматической хроникой *Козьма Захарыч Минин* и разбирая исторические акты, Островский обратил внимание на *рязанский* характер Прокопия Ляпунова и так сравнил этого героя с другим – костромским – Иваном Сусаниным:

– Эти рязанцы по природе уже таковы, что, как немцы, без шулки и с лавки не сваятся. Ведь вот наш костромич, Сусанин, не шумел: выбрал время к ночи, завел врагов в самую лесную глушь, там и погиб с ними без вести, да так, что до сих пор историки не кончили еще спора о том, существовал ли он в самом-то деле на белом свете. А Прокопию Ляпунову понадобилась веревка на шею, чтобы растрогать: и вовсе в этой шулке не было нужды. Актерская жилка у всех рязанцев прирожденная... Первым из родичей Островского переехал в Москву его дед. Он овдовел в сане протоиерея одной из костромских церквей, постригся в московском Донском монастыре и умер в преклонных летах, напутствуемый высоким уважением монастырской братии. Старший из его шестерых детей, Николай Федорович, был отцом знаменитого писателя. Он изменил семейным традициям и, по окончании курса сначала в Костромской духовной семинарии, потом в Московской духовной академии, поступил на гражданскую службу, в канцелярию общего собрания московских департаментов Сената. Двадцати четырех лет, в 1820 году, он женился на дочери просвирни, и 31 марта 1823 года у молодых супругов родился третий сын, названный Александром. Ему шел всего девятый год, когда мать его скончалась и на руках отца осталась многочисленная семья из шести человек малолетних детей.

Воспитанием их раньше занималась исключительно мать: отец был поглощен службой и трудным добыванием средств. По смерти жены он воспитание детей поручил студенту Вифанской семинарии – и этот учитель подготовил Александра Николаевича к поступлению в гимназию. В прошении о принятии сына в число учеников Московской губернской (ныне первой) гимназии отец заявлял, что его двенадцатилетний сын – “по-российски писать и читать умеет и первые четыре правила арифметики знает”. Поступление состоялось в сентябре 1835 года, – и пять лет спустя Островский получил аттестат с правом поступить в университет без предварительного испытания. Александр Николаевич подал прошение о зачислении его студентом юридического факультета.

За это время отец его женился вторично, заслужил дворянское достоинство, выхлопотал внесение своей семьи в дворянскую родословную книгу Московской губернии и в год поступления сына в университет оставил государственную службу и стал заниматься ходатайствами по гражданским делам. Вероятно, это обстоятельство повлияло и на выбор сыном именно юридического факультета. Ни в гимназии, ни в университете Островский не обнаружил выдающихся способностей к науке, в гимназии курс окончил девятым из двенадцати, в университете на первом курсе показал успехи не выше хороших, и уже на втором окончилось учение поприще будущего драматурга. Островский оставил университет, не подвергаясь переходному испытанию: документально – “ради службы”, в действительности – вследствие недоразумения с одним из профессоров. Ему предстояло теперь проходить обширную школу жизни, несравненно более ответственную и благодарную для его прирожденных наклонностей. Школа открылась немедленно за порогом университета, – в сущности, последовало только продолжение житейской науки. Островский еще раньше успел познакомиться с ней. Отцовская чиновни-

чья служба и впоследствии адвокатская практика вводили сына в крайне пестрый и своеобразный круг московских нравов. Дореформенная жизнь проходила пред наблюдательным взором юноши во всем богатстве и яркости непридуманных героев и фактов. И несомненно, в его воображении с течением времени запечатлевались всё новые фигуры и эпизоды, коими ему предстояло воспользоваться для своих ранних произведений.

В сентябре 1843 года Островский зачислен канцелярским служителем в Московский совестный суд. Учрежденный при Екатерине II, этот суд ведал гражданские дела, причем тяжущиеся по этим делам могли согласиться разрешить свой спор мировым соглашением по совести. Уголовные дела, подлежащие совестному суду, возникали по жалобам родителей на детей, касались преступлений, совершенных малолетними и глухонемыми или вызванных особенно неблагоприятными обстоятельствами. Наконец, вообще все гражданские споры между родителями и детьми обязательно разбирались в совестном суде. Легко представить, сколько сведений даже в короткое время мог приобрести будущий драматург о семейных и общественных условиях народного и купеческого быта. В особенности старая русская семья должна была открыть Островскому множество потаенных уголков своей жизни, почти недоступных наблюдению постороннего человека. Читая жалобы сторон, выслушивая “совестные” показания обвиняемых и обвинителей, молодой чиновник как нельзя более входил в самобытный сокровенный мир простых людей, прислушивался к их речи, всматривался в их нравственные воззрения, запоминал резкие оригинальные черты отдельных личностей, выработанные жестоким семейным и общественным строем дореформенной Руси.

Больше двух лет продолжалась служба Островского в совестном суде; в конце 1845 года он поступает в канцелярию Московского коммерческого суда, по первому отделению – в “словесный стол”. Жалованье полагалось по усмотрению начальства, и начальство соблагорассудило назначить его Островскому в размере четырех рублей в месяц, – меньше, чем полагалось по табели – пять рублей шестьдесят две с половиной копейки. При таком вознаграждении Островский, разумеется, продолжал оставаться в полной материальной зависимости от отца. Единственным ценным приобретением, какое он мог извлечь из своей службы, было все то же изучение московского мещанского и купеческого быта. Заседая в “словесном столе”, Островский должен был знакомиться с делами о торговой несостоятельности, вникать во всевозможные хитроумные способы банкротства, до тонкости изучать купеческие обходы законов, уловки с кредиторами. Все это вскоре оказало ему великую услугу, снабдив неисчерпаемым запасом фактов и типов для художественного творчества. Отцовская адвокатская практика также принесла будущему писателю немалую пользу. Практика эта развивалась преимущественно среди московского купечества и шла с большим успехом. Островский-отец успел приобрести дом, содержал семью и давал средства старшему сыну.

Самая местность, где протекло детство и первая молодость Островского, вполне соответствовала его житейским опытам и наблюдениям. Сначала семья жила в Замоскворечье, потом в столь же захолустной и самобытной части города – у Николы в Воробьино. Обывателей здесь окружала в полном смысле старозаветная Москва, почти не тронутая веяниями европейских порядков. Пустынные улицы, патриархальная жизнь в домиках-особняках, без всякого замысловатого комфорта, без звонков и швейцаров. Охрана обывательского имущества поручалась будочникам, совершенно идиллически смотревшим на свои обязанности; и сами обыватели прекрасно уживались со своими первобытными стражами, не предъявляя непосильных запросов их бдительности и усердию.

Дом Островского стоял среди пустыря, по соседству со знаменитыми в старину серебряными торговыми банями. Местность была до такой степени уединенна, а нравы – просты и откровенны, что из окон жилища Островского можно было видеть самые смелые бытовые картины: из бани выскакивали люди, только что запарившиеся до одурения, и принимались валяться в снегу. Против дома находилась полицейская будка с беззубым полицейским стра-

жем, обладателем неуклюжей допотопной алебарды, большим приятелем окрестных обывателей и великим любителем веселой компании и крепкого безмятежного сна.

Все это безвозвратно отошло в историю Москвы, и наш писатель застал все эти прелести вековой старины уже на закате. Новая жизнь надвигалась и на московские захолустья, в ближайшем будущем она грозила смести с лица земли ископаемых оригиналов, навсегда похоронить и простоту нравов, и патриархальность обывательского жителя-бытия, и наивную беспечность “начальства”. Но пока историческая Москва еще жила, и для чуткого и талантливого Островского было немалым счастьем видеть собственными глазами почвенный московский быт. Художнику предстояло открыть русскому обществу новый мир отечественной действительности, еще не тронутый литературой, – и этот именно мир в течение целых лет открывал своему будущему бытописателю свои тайны, обогащал его ум непосредственными наблюдениями и, можно сказать, невольно толкал его на известный писательский путь. Сама жизнь, день за днем определявшая умственное развитие и практическую деятельность Островского, давала ему готовую программу художественного творчества, – и семена падали на благодатную почву.

Островский, по природе своей, обладал особенной чуткостью к фактам и психологии именно русской самобытной действительности. Национальные нравственные инстинкты составляли основу личности драматурга, и его взор отличался поразительной остротой и пронизательностью всюду, где вопрос шел о современном или историческом народном быте. Принадлежа к сословию, искони близко стоявшему к народу, выросший на полной свободе, лицом к лицу с самой жизнью, не испытавший никакого внешнего гнета и навязчивого обезличивающего руководства “старших” и чрезмерно усердных педагогов, – Островский прошел самую целесообразную подготовительную школу, какую только можно было представить для будущего литературного Колумба дореформенной купеческой и мещанской России.

ГЛАВА II. НАЧАЛО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Литературная деятельность Островского началась одновременно с казенной службой. Должностные обязанности не мешали ей. Начинаящий писатель вряд ли мог с особенным усердием прилежать к канцелярской работе. Она интересовала его лишь настолько, насколько предоставляла материал для осуществления его психологических и художественных задач. Чиновничья служба являлась одним из путей, ведущих драматурга в заповедный мир “темного царства”, – и в этом отношении он воспользовался ею очень рано. По его словам, уже к осени 1846 года им было написано много сцен из купеческого быта, в общих чертах задумана целая комедия и даже набросаны некоторые ее сцены.

Содержание комедии имело непосредственную связь с канцелярскими опытами Островского как чиновника коммерческого суда и, разумеется, с его многочисленными наблюдениями московской жизни за пределами службы. Комедии предстояло носить название *Банкрот*. Впоследствии автор по разным причинам счел это название неудобным и заменил его пословицей – *Свои люди – сочтемся!* В том же 1846 году была написана небольшая пьеса *Семейная картина*. Это первое законченное драматическое произведение Островского, но не оно первым появилось в печати. 9 января 1847 года в газете “Московский городской листок” появился драматический отрывок под заглавием “Сцены из комедии “Несостоятельный должник” (Ожидание жениха)”. Над отрывком стояло: “Явление IV”, и заключалось в нем всего два явления. С незначительными поправками они вошли в окончательный вариант пьесы *Свои люди – сочтемся*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.